

Наталья Тупикова

Категория ин-персональности русского глагола в концептосфере ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Studia Rossica Posnaniensia 30, 99-106

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

КАТЕГОРИЯ ИН-ПЕРСОНАЛЬНОСТИ РУССКОГО ГЛАГОЛА В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

A CATEGORY OF IN-PERSONALITY OF A RUSSIAN VERB IN THE CONCEPTUAL SPHERE OF LINGUISTICS

НАТАЛИЯ ТУПИКОВА

ABSTRACT. The author formulates and justifies a hypothesis concerning the development of a category of in-personality of a Verb. She tries to situate the category in a conceptual sphere of Russian language using a functional-semantic and cognitive approaches.

Наталья Тупикова, Волгоградский государственный университет, Кафедра истории русского языка и стилистики, ул. 2-я Продольная 30, 400062 Волгоград – Россия.

1. Объяснительная сила исследований, рассматривающих развитие и функционирование языка „с учетом особенностей мышления и восприятия отдельной личности, условно принятой в качестве эталона определенной хронологической, этнической и культурной отнесенности”¹, позволяет подойти к решению вопросов истории русского языка „не в смысле прослеживания отдельных этапов” в развитии языковых категорий в отдельных языках, „а именно в смысле вскрытия общих линий, общих тенденций этого развития и попытки конкретного выявления внутренних законов, обусловивших это развитие”².

Многоаспектное описание объекта познания определяет целесообразность применения комплексного подхода к анализу языковых фактов, что позволяет на фоне общих доминирующих тенденций развития систем и подсистем языка, а также действия контртенденций выявить разноуровневые изменения в рамках слова, словоформы, текста, влияющие, в свою очередь, на развитие системных и функциональных свойств языка в целом, на закономерности формирования его новых подсистем и категорий³.

¹ С.П. Л о п у ш а н с к а я, *Конкретно-пространственное и абстрактно-пространственное восприятие мира человеком как философская основа объяснения эволюции языка*. В: *Человек в современных философских концепциях. Материалы Международной научной конференции*, Волгоград 1998, с. 338.

² А.В. И с а ч е н к о, *О сравнительно-историческом изучении грамматических категорий в славянских языках*, „Slavia” 1952–1955, № XXI, с. 201.

³ Принципы комплексного подхода к анализу глагольной словоформы см.: С.П. Л о п у ш а н с к а я, *Развитие и функционирование древнерусского глагола*, Волгоград 1990.

В русле этой проблематики число фундаментальных исследований, касающихся истории и функционирования русского (славянского) глагола, остается крайне незначительным⁴, а трактовка многих сложных и противоречивых явлений недостаточно убедительной.

2. В Волгоградском государственном университете в рамках сложившегося направления исследований Волгоградской школы лингвистов, возглавляемой профессором С.П. Лопушанской, разрабатываются новые наукоемкие технологии, которые дают импульс к нетрадиционным решениям ряда проблем, актуальных для осмысления истории русского языка, его современного функционирования, развития русского церковнославянского языка, лингвокультурологии и др.⁵ Предложенные в трудах С.П. Лопушанской подходы к диахроническому, функционально-семантическому и сопоставительному анализу форм, категорий, классов русского (славянского) глагола послужили для автора данной статьи основой выдвижения и доказательства гипотезы о формировании и развитии в русском языке функционально-семантической категории (= ФСК) ин-персональности⁶ в связи с процессом разрушения древних отношений в системе спрягаемых форм русского глагола и свертывания его личной парадигмы⁷.

Введение в научный оборот нового термина „ин-персональность” обусловлено необходимостью обозначения специфических способов реализации

⁴ Л.П. Клименко, *Лексико-семантическая система древнерусского глагола и ее отражение в памятниках письменности XI–XIV вв.*, Горький 1990; А.В. Бондарко, *Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии*, Санкт-Петербург 1996; *Русская глагольная лексика: денотативное пространство*, ред. Л.Г. Бабенко, Екатеринбург 1999; А.А. Зализняк, Д.Н. Шмелев, *Введение в русскую аспектологию*, Москва 2000; *Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол. История и современное состояние*, ред. С.П. Лопушанская, Волгоград 2000.

⁵ См. исследования, выполненные под руководством С.П. Лопушанской в НИИ истории русского языка ВолГУ: Н.А. Тупикова, *Формирование категории ин-персональности русского глагола*, Волгоград 1998; О.А. Прохvatилова, *Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи*, Волгоград 1999; Н.Л. Шамне, *Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении*, Волгоград 2000; Е.М. Шептухина, *Формирование глаголов со связанными основами в древнерусском языке XI–XIV вв.*, Волгоград 2001.

⁶ Н.А. Тупикова, *Семантика персональности: ин-персональности русского глагола*, Волгоград 1993; ее же, *Вопрос о категории ин-персональности в русском языке*, „Терминоведение” (Москва) 1994, № 1, с. 148–152.

⁷ С.П. Лопушанская, *Очерки по истории глагольного формообразования в русском языке*, Казань 1967; ее же, *Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке*, Казань 1975; ее же, *К становлению аналитических форм времени в истории русского глагола*, „Československa rusistika” 1981, XXVI, № 5, с. 213–218; С.П. Лопушанская, Н.А. Тупикова, *История и современное состояние сложных форм будущего времени польского и восточнославянского глагола*. В: *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe*. 2. *Językoznawstwo i translatoryka*, Olsztyn 1995, с. 143–148.

ФСК ин-персональности русского глагола в высказывании, противопоставленной категории персональности с точки зрения способности глагольных словоформ выражать отношение между действием (состоянием) и субъектом действия (состояния), имеющим / не имеющим статус подлежащего. При этом термин „имперсональность”, принятый в языкознании, трактуется традиционно в связи с характеристикой языковых средств, указывающих на отсутствие грамматического субъекта в односоставном предложении; имперсональность (или безличность) является составной частью выделяемой нами ФСК ин-персональности.

3. При описании оснований выделения ФСК ин-персональности русского глагола закономерно определить место этой категории в концептосфере языкознания⁸ в связи с важнейшими понятиями, входящими в сложную структуру данной концептуальной области (сферы) научного знания. Для решения названной задачи мы исходим из следующего: „1) «концепт» – это явление того же порядка, что и понятие, но в отличие от понятия в собственном смысле, это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний”⁹, которые существуют в сознании, ментальном мире человека, отражают языковой опыт концептоносителя, в том числе и научный; 2) в рамках определенного научного пространства представление исследователя о соотношении каких-либо теоретических понятий, сформулированное в качестве концептуального положения, возможно рассматривать как „теоретический концепт”, объем и содержание которого применительно к данной научной теории раскрывается с помощью системы „концептуальных понятий”; 3) теоретический концепт и концептуальные понятия в концептосфере языкознания реализуют установку науки идти через познание языка к познанию говорящего, многообразных связей языка с человеком, с мыслительными процессами, им осуществляемыми¹⁰.

Такой подход, который находится в русле функционально-семантического и когнитивного направлений в лингвистике, позволяет увидеть новые грани предмета исследования.

⁸ Термин „концептосфера (концептуальная область)” см.: Д.С. Л и х а ч е в, *Концептосфера русского языка*, „Известия АН. Серия литературы и языка” 1993, т. 52, № 1, с. 3–9; Ю.С. С т е п а н о в, *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва 1994, с. 41.

⁹ Ю.С. С т е п а н о в, *Константы. Словарь русской культуры...*, указ. соч., с. 40–41; см. также: Д.С. Л и х а ч е в, *Концептосфера русского языка*, указ. соч., с. 5.

¹⁰ Е.С. К у б р я к о в а, *Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке)*, „Известия АН. Серия литературы и языка” 1999, т. 58, № 5–6, с. 3; см. также: С.Г. В о р к а ч е в, *Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании*, „Филологические науки” 2001, № 1, с. 69; М.В. В с е в о л о д о в а, *О двух направлениях в функционально-коммуникативной грамматике*, „Мир русского слова” 2000, № 1, с. 109; Ю.С. С т е п а н о в, „Интертекст”, „интернет”, „интерсубъект” (к основаниям сравнительной концептологии), „Известия АН. Серия литературы и языка” 2001, т. 60, № 1, с. 3.

Обоснование нашей гипотезы базируется прежде всего на принятых методологических постулатах, в основе которых лежит понимание языка как важнейшего средства общения и признание единства сущностного и функционального в языке. Особое место при этом занимает осмысление соотношения понятий язык (как средство общения и средство самосознания) и речь (текст как продукт речевой деятельности). Рассматривая данные понятия, мы следуем принципам, в которых раскрывается взаимосвязь эволюционных процессов и речемыслительной деятельности человека в плане изменений, затрагивающих структуру речемыслительной деятельности и обуславливающих изменение во времени „смысловой доминанты языкового сознания”¹¹. Данные принципы обоснованы в рамках научного направления, позволяющего увидеть постепенное накопление нового качества в процессе языковой эволюции и считать языковые закономерности не суммой частных признаков, а результатом обобщения, синтеза самых разнообразных взаимодействующих явлений¹².

„Смысловая доминанта языкового сознания” принимается нами в качестве концептуального понятия и определяется вслед за С.П. Лопушанской как „воспроизводимое в процессе коммуникации восприятие человеком окружающего мира, отношение мыслящего субъекта к продуктам материальной и духовной жизни общества, представление субъекта о своем месте во Вселенной, о самом себе”¹³. Это концептуальное понятие играет важную роль при определении объема и содержания теоретического положения, квалифицируемого нами в качестве „теоретического концепта”: восприятие пространства и времени „претерпело существенные изменения в сознании людей, отражая конкретно-пространственные и абстрактно-пространственные представления об объективно-реальных формах бытия”¹⁴. Анализ языковых явлений с позиций данного теоретического концепта позволил выявить различные пути совершенствования системы времен и наклонений русского глагола и соотнести механизм свертывания его личной парадигмы с компенсаторными процессами на функционально-семантическом уровне. В качестве реализации последних выступает ФСК ин-персональности русского глагола.

4. Содержание названного теоретического концепта лежит в основе способов языковой фиксации отношений между действием (состоянием) и субъектом действия (состояния), а формирование ФСК ин-персональности в русском языке рассматривается как процесс постепенного объединения сходных по функционально-семантическим свойствам глагольных словоформ (инфини-

¹¹ С.П. Лопушанская, *Семантическая модуляция как речемыслительный процесс*. В: *Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние*, Волгоград 2000, с. 20–29.

¹² П.С. Кузнецов, *О принципах изучения грамматики*, Москва 1961.

¹³ С.П. Лопушанская, *Семантическая модуляция...*, указ. соч., с. 20.

¹⁴ С.П. Лопушанская, *Основные тенденции эволюции...*, указ. соч., с. 310–311; *еже, Развитие и функционирование древнерусского глагола*, указ. соч., с. 3–4.

тива, собственно безличных глаголов и личных глаголов в безличном употреблении), способных выражать отношение между действием (состоянием) и субъектом действия (состояния), не имеющим статуса подлежащего. Способы языковой фиксации этих отношений являются опосредованным отражением специфики взаимодействия конкретно-пространственных и абстрактно-пространственных представлений об объективно-реальных формах бытия.

Проведенное исследование на материале памятников древнерусской и великорусской письменности XI–XVII вв. позволило обнаружить зависимость способов выражения отношения к лицу (субъекту действия) от тех изменений, которые происходили в сознании русича и которые были связаны с представлением об определенном субъекте действия либо с отрицанием конкретности проявления действителя, степенями и оттенками „относительной бес-субъектности”¹⁵. Так, намеренное устранение субъекта действия (состояния) при описании нерегулируемого признака является закономерным в высказываниях, которые связаны с привычным для русича употреблением бессубъектных конструкций как средства описания явлений природы, стихийных сил. В древнерусских летописях глагол в таких случаях зафиксирован нами в формах 3 л. ед. ч. прошедшего времени, в частности, аориста (*смерчеса, освете, мърче*)¹⁶, а также настоящего, настоящего-будущего времени (*смеркнется, свенеть*). Вовлечение новых лексем в сферу выражения таких значений и устойчивое использование в бесподлежащих конструкциях для характеристики состояния внешней среды личных глаголов разных лексико-семантических групп в безличных значениях (*морозити, погремети, выломитися* и др.), которые выступают, наряду с формами аориста, настоящего, настоящего-будущего времени 3 л. ед. ч., в новых универсальных формах прошедшего времени – бывшего л-причастия (перфекта без связки) среднего рода (*потушало, разсвело, загорелось* и др.), следует рассматривать как отражение изменений „смысловой доминанты языкового сознания”, при которых знание „отражает понимание и осмысление мира, достигаемые в предметно-познавательной деятельности человека”, а „значения языковых форм оказываются фиксирующими человеческий опыт”¹⁷.

Ученые неоднократно обращали внимание на существование в языке механизма для „адекватного изображения процесса с неизвестным производящим лицом”¹⁸. Одно из возможных решений этого вопроса, предложенное на-

¹⁵ См.: А.А. П о т е б н я, *Из записок по русской грамматике*, т. III, Москва 1968, с. 325, 330; Д.Н. О в с я н и к о - К у л и к о в с к и й, *Синтаксис русского языка*, Санкт-Петербург 1902, с. 191.

¹⁶ Здесь и далее при цитировании древних текстов используется упрощенная орфография.

¹⁷ Е.С. К у б р я к о в а, указ. соч., с. 11.

¹⁸ В.В. В и н о г р а д о в, *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, Москва 1986, с. 383.

ми, основано на концептуальном понятии „степень участия субъекта в описываемых событиях”, введенном в оборот С.П. Лопушанской¹⁹.

Как стержневое теоретическое (концептуальное) понятие, характеризующее способность глагольной словоформы при определенных условиях существовать в разнообразных „переходных формах” от личного употребления к безличному²⁰, „степень участия субъекта в описываемых событиях” дает возможность установить соотнесенность субъекта и предиката и выявить роль в высказывании этих универсальных для концептосферы языкознания категорий в качестве структурообразующих компонентов текста при выражении высокой–средней–низкой–нулевой степени участия субъекта в описываемых событиях²¹.

„Степень участия субъекта в описываемых событиях” способствует определению синтезирующих свойств инфинитива, собственно безличных глаголов и личных глаголов в безличном употреблении, обнаруживающих функциональное сходство по способности открывать „вакансию” для первого актанта²², по способу выражения и способу представления субъекта действия (состояния) в речи (тексте). Это, в свою очередь, является условием системной организации данных языковых единиц.

Материал показывает, что в истории русского литературного языка расширились позиции словоформ со значением ин-персональности, а в сфере обозначения действий, происходящих независимо от действующего (носителя состояния), вовлекались новые единицы, функциональным свойством которых является способность выражать отношение между действием (состоянием) и субъектом действия (состояния), не имеющим статуса подлежащего. Например: в *Повести временных лет* аорист 3 л. ед. ч. от глагола физического воздействия на объект *наломити* используется безлично в качестве средства характеристики состояния живого существа: *на поли потчеса конь в рве, и на ломе ему ногу мало*. Сходный контекст находим в *Сказании о Борисе и Глебе*, где ситуация описывается с помощью этого же глагола, но употребленного в личной форме (аориста 3 л. ед. ч.): *на поле потъче ся подъ нимь конь въ рове и на ломе ногоу малы*. Словарные толкования и сопоставление контекстов позволяют установить, что лексическая семантика *наломити* остается неизменной в условиях личного употребления глагола (наличия грамматического отношения к производителю действия) и безличного (отсутствия грамматического отношения к производителю действия).

¹⁹ Термин см.: С.П. Лопушанская, *Отражение древних конкретно-пространственных представлений в „Слове о полку Игореве”*. В: *Развитие частей речи в истории русского языка: Межвузовский сборник научных трудов*, Рига 1988, с. 73–78.

²⁰ В.В. Виноградов, указ. соч., с. 381.

²¹ Н.А. Тупикова, *Формирование категории ин-персональности...*, указ. соч., с. 87–88.

²² Ю.С. Маслов, *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990, с. 104.

В случае личного употребления глагола (*Сказание о Борисе и Глебе*) обозначается действие субъекта, имеющего статус подлежащего и названного в предложении Им.п. существительного (*конь*). В составе предложения предикат *наломи* выполняет функцию однородного сказуемого в ряду *потче ся... и наломи* при актуализируемом подлежащем. Физическое воздействие на объект представлено как результат движения субъекта по твердой поверхности. В тексте летописи (*Повесть временных лет*) в условиях устранения субъекта-подлежащего и отсутствия координирующей функции лица, характерной для глагола-сказуемого в его отношении к подлежащему, словоформа *наломи* открывает вакансию для первого актанта, позиция которого замещена формой Дат. п. местоимения (*наломи ему*). Наличие в составе сложносочиненной конструкции другого предиката, координируемого с субъектом в форме Им.п. существительного м.р. (*потчесь конь*), представление действия (состояния) как независимого от воли субъекта свидетельствуют о безличном употреблении личного глагола. Открывая „вакансию” для первого актанта (со значением субъекта – носителя предикативного признака) в косвенном падеже (Дат. п.), *наломи* обнаруживает способность функционально сближаться с собственно безличными глаголами, характеризующими произвольное физическое состояние субъекта, и является средством выражения ин-персональности. Субъект действия в высказывании является эксплицитным и определенным, что дает возможность говорить о выражении „высокой степени участия субъекта в описываемых событиях”.

5. Как свидетельствует материал, концептуальные понятия, составляющие содержание теоретических концептов в рамках концептосферы языкознания, позволяют соотнести языковые способности с другими когнитивными способностями мыслящей личности, гармонично сочетающейся в процессе познавательно-оценочной деятельности научное и обыденное представление о картине мира с языковой концептуальной структурой, и на этой основе описать названное языковое множество (функционально-семантическую категорию ин-персональности русского глагола) как объединение парадигматически и функционально связанных языковых единиц, а также показать, что формирование ФСК ин-персональности русского глагола является результатом оригинального пути развития системы русского глагола, где доминирующими были конвергентные процессы, которые сопровождалась полифункциональностью глагольных словоформ.

Состав и соотношение признаков, в которых реализуется выделяемая нами категория, определяют конкретно-языковые способы ее выражения, имеющие свою специфику в русском языке, обусловленную действующими в нем правилами функционирования единиц, тенденциями развития языка в целом.

Сопряжение этих признаков, актуализируемых в высказывании разноуровневыми средствами (лексическими, морфологическими, синтаксическими, лексико-грамматическими), способствует появлению значений, в которых

находят отражение важнейшие концепты – лицо, субъект действия (состояния), действие (состояние) субъекта, личность, безличность и др. Через их системное осмысление с функционально-семантических и когнитивных позиций представляется возможным характеризовать концептосферу ин-персональности русского глагола и рассматривать ее как составную часть концептосферы языкознания.